

рации прав «трудящегося народа». Организация правильной и справедливой судебной защиты есть таким образом одна из первых задач будущей конституции.

Построенная по таким принципам конституция, конечно, не будет «самой лучшей» из всех возможных. Подобной наилучшей конституции вообще нет и быть не может, так как каждая конституция зависит от условий места и времени. Но мы убеждены, что введение подобной конституции создало бы благоприятные условия для развития у нас той атмосферы права, отсутствие которой составляет главную язву советской жизни и в то же время позволило бы преодолеть те труднейшие задачи, которые стоят перед нами наше историческое будущее.

Н. Н. Алексеев.

Россия и эмиграция

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА МОМЕНТА)

Эти строки пишутся в последние дни 1937 года. Взор невольно обращается к пережитому. В плане русской истории, истекающий год неразрывно сливается с предшествующим. Именно в начале 1936 года Россия вступила в какой-то новый период исторического своего существования. С небывалой для после-революционного времени наглядностью элементы традиции стали проступать сквозь очертания нынешней советской действительности. Еще недавно могло казаться, что дореволюционная схема в понимании русского прошлого надолго, если не навсегда, потеряла свое обаяние. В последние месяцы ее мо-

тивы, к удивлению многих, зазвучали с удвоенной силой и свежестью.

Все предшествующие годы были, по преимуществу, годами социальных и экономических перемен. Социальный строй русской деревни, например, 1934 года не имеет, можно сказать, почти ничего общего с порядками той же деревни 1927 года. Не менее разительны были перемены и в чисто производственной сфере. Они выступают с особенной ясностью, если с данными конца 1920-х годов мы станем сравнивать, скажем, итоги 1935 или 1936 года. Организация советской промышленности заслуживает самой резкой критики (как, впрочем, заслуживает ее и организация промышленности капиталистической). Все же, «индустриализация» страны, за последнее десятилетие, двинулась в огромной степени вперед. Как раз в этой области последние два года не принесли ничего принципиально нового. Зато годы эти вырисовались, как годы больших духовных сдвигов.

Дух идет впереди. Практика остается прежней: сплошным насилием и «зажимом». Но «теоретические основы» меняются и тем, нужно думать, предвещаются изменения и в «практической» сфере. Воскресло представление о национальном единстве, получило привлекательность понятие народа, как целого. Кто мог думать, что власть, исповедовавшая, в течение десятилетий, исключительно и только лозунги «классовой борьбы», будет вынуждена обратиться к программе «национального единства»? Было бы смешно преувеличивать значение «новой» советской конституции 1936 года и нынешних «выборов». Но понятие нации, как целого, в ней дано. Оно выражено в единстве избирательного корпуса, образуемого на основе всеобщего избирательного права. В намерении своем, власть обращается теперь к народу, а не к отдельным частям его, как то делалось во все предшествующие годы. Выражаясь евразийскими терминами, можно сказать, что сталинская власть признала народ, как «симфоническую личность», несмотря на то,

что ей недоступны нравственные и философские высоты этого понятия.

Русские патриоты, никогда не отрекавшиеся от русской традиции, имеются в эмиграции, есть они, в огромном количестве, и на родине. Дела сталинского режима для них попрежнему и всецело неприемлемы. В особенности губительны, с их точки зрения, те дела, которые расшатывают оборону (например, отличительный для событий 1937 года разгром военных и технических кадров). Но в смысле установок возникает известный параллелизм между устремлениями русских патриотов и программой нынешней московской власти. Национальные моменты, в известной степени, всегда были присущи коммунистической власти, сколько бы антинациональных целей она ни ставила себе в прошлом. Так, уже и в ранние годы коммунистического владычества несомненное национальное значение имело освобождение (в основном) от владычества иностранного капитала. То же можно сказать об «индустриализации», новых задачах исследования естественных производительных сил и кое-чем другом. Теперь делается попытка возвести национальные элементы в сознательное начало.

Было бы совершенно преждевременно давать оценку таким попыткам. Невозможность оценки в особенности очевидна, при наличии противоречия между установками и практикой. Многое, что делается теперь в СССР самой властью, есть прямое пособничество внешним врагам России. При известных условиях, пособничество это может повести к роковым для страны последствиям...

Некоторая социальная и экономическая стабилизация. Духовные перемены, в сторону утверждения национальных начал (впрочем, без отказа от механически сочетаемых с ними принципов «интернационализма»). Страшное обострение борьбы и взаимоуничтожения в коммунистическом «ведущем отборе». Таковы основные факты, характеризующие в советской России 1936 и 1937 г.г. Пер-

вый из этих фактов («стабилизация») благоприятен для настроения масс. Конечно, никакие предвидимые перемены в Советском Союзе не могут изменить в благоприятную сторону настроения тех средних и зажиточных крестьян прошлого, которые успели вкусить от «соблазнов» самостоятельного хозяйства, теперь же на деле превращены в наемных рабочих колхоза (со всем тем бесправием, которым чревато положение сельско-хозяйственных рабочих). Состояние молодежи — иное. Власть прошлого, со всеми его преимуществами, не всегда довлеет над нею. Колхозная жизнь, с ее чисто «светскою» стороною, имеет для нее привлекательность. «Стабилизация» даст сытость, а иногда и возможность прилично одеться. А тут еще надежда стать трактористом или комбайнером, что кажется уже совсем завидным. То же, в иной форме, и с молодыми рабочими. Ведь, они не знают и не помнят, насколько было лучше жить на «царские» золотые рубли, чем на теперешние советские. Такое «отсутствие памяти» — иногда и на благо. Всеобщее недовольство в стране грозило бы, при нынешнем внешне-политическом положении, непоправимым национальным разгромом. Хотя бы частичная «стабилизация» дает базу для национального под'ема и силы. Только бы нашлись организаторы! Вся загадка и вся тревога русского будущего в этом «только бы»...

А как же с духовными началами? Ведь начала эти — тоже вид оружия, которое находится в распоряжении страны в ее борьбе за национальную независимость и самобытность. Здесь сказывается недостаточность творческих напряжений. Никогда, пожалуй, недостаточность эта не ощущалась в Советском Союзе так резко, как именно в настоящее время.

Возрождение традиции совершенно необходимо. Оно укоренено в неотвратимых закономерностях революционной эпохи. Это в особенности очевидно для евразийца. Ведь, евразийство, согласно формулировке 1929 года, «стремится сочетать новое и старое, историческую

традицию и происшедшее в революции — в еще не бывалом единстве». В небывалости этой — все дело. Сталинский же режим, в нынешнем его виде, есть сочетание весьма и весьма «бывалых» принципов. Его идейная сторона все более сводится (это выяснилось как раз за два последних года) к сопряжению старого марксизма со старым национализмом. Марксизм творчески не переработан в сталинизме потому, что на всякую такую переработку в Советском Союзе наложено абсолютное «табу». А общее ослабление творческих напряжений ведет к тому, что и русские национальные мотивы возрождаются в нем в их старом, дореволюционном виде. Как это могло случиться? — с тревогой спрашивает себя тот, для кого и революция, и традиция, прежде всего, — творчество. И в глубине происходящего видит разгадку. Все упования свои сталинцы возложили на насилие. Насилием многого можно добиться в этом мире. Но творчества насилием породить невозможно. Для сталинцев остается один выход: пробавляться механической смесью не переработанных марксистских и не преобразованных национально-патриотических начал. Чуть ли не все продукты сталинского режима 1936 и 1937 г.г. носят на себе именно эту мерку.

Указанное обстоятельство не подрывает патриотического порыва масс, в особенности молодежи, вновь нашедшей родину и ее историю. Для этих людей не имеют значения тонкости тех формулировок, которые им преподносятся. Они живут горячим и непосредственным чувством. Но для судьбы культуры, в ее целом, это ослабление творчества имеет огромное значение. И оно же накладывает обязательства на тех русских людей, которые могут жить и действовать, не подвергаясь давлению сталинского режима. Происшедшее за два последних года должно внести большие изменения в их психологию. В прошлом могло казаться, что в Советском Союзе создается нечто совершенно новое — и не только в вопросах социальных и экономических, но и в вопросах собственно

культуры. Этому нужно было радоваться, ибо зарождением нового всегда расширяется исторический и национальный опыт. Но в этом была и печальная сторона, в виде отрицания тех ценностей, которыми жила и укреплялась историческая Россия. Теперь произошла полная смена декораций. Новое осталось только в формах социального и экономического быта (колхозы; всецело огосударствленная промышленность; гораздо большая, чем раньше, разветвленность и дифференциация промышленности). Темп изменений (в том числе — и перемен «реакционного» духа) в СССР настолько бурный, что в настоящее время нельзя быть уверенным в «необратимости» и этих процессов. Нужно, все же, думать, что многие из созданных наново форм оправдают себя в ходе исторического развития; и что усилия, положенные на их создание, не целиком были потрачены понапрасну. В области духовной культуры положение складывается иначе. Почти все новое, все то, что почиталось отличительным произведением революционной эпохи (и что несомненно имело не одни недостатки, но также и преимущества), — все это рушилось. В данную минуту, Советский Союз на 90% живет русской культурой XIX-го века («классики» — в литературе, Даль — в языке, Буславев — в грамматике, Ушинский — в педагогике, Римский-Корсаков — в музыке, Репин — в живописи, ампири и даже «русский стиль» — в архитектуре, и так во всех проявлениях). Но раз дело идет о таком культурном наследии, то люди, никогда не отрицавшие, в отличие от коммунистов, русской исторической традиции — в сфере этого наследия несравненно сильнее, чем сталинцы. Они в состоянии свободней, самостоятельней к нему отнестись. Ведь, это — та культура, которой жили их отцы и деды. Она составляет как бы органическое их достояние. Еще несколько лет тому назад культурный отбор эмиграции, в основном своем массиве, мог считать себя безнадежно отброшенным назад ходом событий. Люди старательно скрывали друг от друга это ощу-

щение, но оно было у многих. Сейчас, это нужно сказать прямо, о концепциях подобного рода не может быть, в чисто культурной области, и речи. Поскольку советская Россия просто вернулась к культуре XIX века (а это, в значительной степени, именно так и произошло), находящиеся в эмиграции носители этой культуры и ее традиции дадут много очков вперед советским ее представителям. Культура в России и культура в эмиграции есть единая русская культура. После событий 1936-1937 г.г. в этом не может быть ни малейшего сомнения, сколь бы ожесточенные гонения ни воздвигали коммунисты на эмигрантов и какой бы ненавистью к сталинцам ни пылали эти последние. Пусть только культурное явление будет внутренне обосновано и сильно. В таком случае оно не выпадет из русского культурного преемства, независимо от того, где оно создано: в эмиграции или в России. Создаваемое в эмиграции имеет даже, пожалуй, большие шансы утвердить себя в русском будущем, чем создаваемое в Москве. Ибо в Москве, в настоящее время, «всякое чудо на три дня». Прославляемое сегодня — попадает под запрет и уничтожение завтра. Что же касается русского творчества за пределами Советского Союза, то при соответствующей постановке оно располагает возможностями непрерывного развития. Замечание это относится, конечно, не ко всем отраслям культурного творчества; но к некоторым его отраслям оно безусловно относится.

И потому, русские люди, где бы вы ни находились — творите со всем доступным для вас напряжением — во славу и силу русской культуры! Автор этих строк полностью отдает себе отчет в значении «месторазвития» для каждого творчества. Но, выполняя заветы величайших русских людей, пора утвердить русскую культуру (в лингвистическом отношении — культуру, пользующуюся русским языком), как культуру подлинно вселенскую. Вселенскость эта — еще не в свершении: она — в замысле и становлении. Но она будет реальностью, если пайдут-

ся русские творцы, верные своему призванию. Каждое из земных месторазвитий может послужить этому призванию. В каждом из них русские люди могут создать нечто такое, что остро нужно для России, как умопостигаемого и в то же время реального единства.

Возьмем несколько примеров.

I. Русским специалистам по естественным наукам, находящимся за границей, было бы нелепо равняться со своими собратьями, работающими в СССР, и состязаться с ними. Настолько советская наука в этих отраслях огромней эмигрантской науки, а во многих случаях и всякой другой вне-советской науки. В этих вопросах в советской науке сделано неизмеримо много. На естествознании относительно мало отражаются и кидания из стороны в сторону советской политики, хотя кидания эти наносят по временам ощутительный ущерб и советскому естествознанию. Здесь возможен и здесь происходит рост. Многие отрасли складываются заново (это замечается и в технических дисциплинах). В области техники подлинная масштабность русской культуры в нынешний момент ощущается несомненно явственней, чем она чувствовалась до революции. Это же суждение, с большой долей обоснованности, можно применить и к естествознанию, в составе, если не всех, то очень многих его ветвей. Но одна черта поражает в советском естествознании. Как только оно прикасается к проблемам изучения географической среды, в нем выступают признаки совершенно явственной национальной ограниченности. Это, казалось бы, не к лицу науке той страны, которая столько лет все свои силы отдавала служению «интернационалистическим» принципам; но это так. Взятое в географическом разрезе, советское естествознание, в самых различных его отраслях, изучает, собственно говоря, территорию одного лишь Советского Союза. Это очень хорошо, что оно ее изучает. Такое изучение составляет первейшую его обязанность. Евразийцам более, пожалуй, чем кому другому, внятна увлекатель-

ность этого изучения. Советская наука сделала в нем подлинно великие вещи. Но достаточно ли такого изучения? Нет, недостаточно. Повторяя старую евразийскую мысль, мы хотим подчеркнуть снова и снова, что должна быть русская наука (русская по духу и русская по языку) о каждой части, о каждом угле нашей планеты. Того требует вселенское призвание русской культуры, это должно послужить полноте человеческого знания. Без всякого сомнения, русская наука в каждом таком вопросе сможет сказать нечто свое и новое. И вот — советская мысль совершенно не на высоте этих заданий. Евразийский лозунг о «самодовлеющем мире» она поняла слишком механически и буквально. «Самодовление» должно выражаться во внутренней самобытности развития, в самостоятельности выдвигаемых категорий, а не в ограниченности горизонтов. Советская же наука поняла «самодовление» именно как такую ограниченность. Она почти не интересуется даже соседними с СССР странами. Так, например, советская наука о Монголии бесконечно слабее того, чем она могла бы быть, в соответствии с возможностями русской науки. Изучение Восточного Туркестана, этой громадной и интереснейшей страны, можно сказать, почти совершенно не существует в Советском Союзе. Какой контраст с расцветом этих изучений в дореволюционной России! Между тем и дореволюционные русские изучения этой страны далеко не исчерпывали того, что нужно. Афганские, персидские, турецкие темы почти не затрагиваются в советской научной литературе. Во всяком случае, в отношении отраслей естественно-исторического сектора дело обстоит именно так. Советская наука не проявляет никакой или почти никакой воли к обоснованной всем состоянием вещей научной «экспансии». Немногим лучше положение в пучке наук исторических. О настояще серьезном и сколько-либо многостороннем изучении стран, лежащих подальше от границ СССР, чем только что названные, и говорить нечего. В целых огромных отделах знания здесь хоть шаром покати. В смысле вселенского,

«икуменического» охвата нашей планеты, все еще не изжита отсталость русской науки от немецкой, французской и английской (в смысле науки «английского языка», включая сюда Северную Америку, Австралию и т. д.). Можно назвать длинный ряд проблем, в которых наука «русского языка» уже превосходит науку романо-германских народов. Но не по части «икуменического» охвата. Только Россия-Евразия стала, в последние десятилетия, своеобразно «непропицаемой» для германо-романских ученых. Весьма обширная литература на западных языках, посвященная вопросам русской революции, носит, в общем, не столько чисто научный, сколько своеобразно «публицистический» характер и отнюдь не исчерпывает проблем всестороннего изучения российско-евразийского мира. В отличие, например, от первой половины XIX века, когда существовало мощное немецкое руссведение, в настоящее время германо-романского руссведения почти не существует, за исключением сравнительно небольшого круга узко-политических, лингвистических, историко-литературных вопросов. Зато весь остальной мир, буквально без всяких исключений, открыт, по сказанному выше, для романо-германской науки и «возделывается» ею. Русская же наука имеет, по нынешним временам, фактическую «монополию» на изучение (не одной шестой, но) одной пятой нашей планеты, но зато, мы повторяем это еще раз, почти не проникает своим взглядом в остальные ее части. Между тем, нельзя подчеркнуть с достаточной силой, что такое проникновение *на сущно необходимо* — между прочим, и для того, чтобы изучение «одной пятой» протекало не в провинциальной, но в подлинно всемирной перспективе. Вот тут то русская эмиграция может оказать большую услугу русской науке. Она разбросана по всему лицу земному. И потому может положить начало русскому изучению самых различных его частей. Здесь важно все: и дух и язык. Иными словами, изучения эти должны быть русскими не только по духу, но также и по языку. Толь-

ко в таком случае их примет, как свою составную часть, русская традиция.

II. В области наук исторических зарубежные русские ученые не могут поспеть, конечно, за своими советскими братьями по части публикации и комментирования архивных материалов и вообще первоисточников. Но они могут превзойти их по части синтеза. В советской России возможности синтеза в исторических науках почти целиком сведены на нет давлением марксистского ярма. Если, в частности, в недавнем советском учебнике истории (Шестакова) есть какие-либо живые и свежие слова, то они просочились в него из эмигрантских духовных лабораторий. Вопросы синтеза касаются, в первую очередь, проблем русской и собственно евразийской истории. Но не следует забывать и того, что сказано выше о необходимости обретения русской наукой вселенских горизонтов. Замечание это всецело применимо и к исторической отрасли. Разбросанные по всему свету зарубежные русские ученые должны продумать и впервые проработать по русски многие и многие вопросы истории вне-евразийского мира. Они должны продолжить те научные преемства, которые уже были в России, но прерваны коммунистами (например, византология, коптология, вообще, изучение «христианского Востока»; в значительной части, также славяноведение).

III. Еще поразительней складывается положение в уделе философии. В настоящую минуту в советской России философии, заслуживающей этого имени, нет во все. Есть приведенные к молчанию философы. В момент споров «механистов» и «диалектиков» (конец 1920-х годов) могло казаться, что внутренней жизнью наполнится и советский «диалектический материализм». Но силой административного принуждения, обе стороны были сведены на нет, без того, чтобы их заменила какая-либо новая третья философская сила. Приблизительно одновременно оборвалась работа и великого философа-«идеалиста» советской России — А. Ф. Лосева. С тех пор

философское поле Советского Союза уподобилось пустыне. В лучшем случае, переиздаются в русском переводе романо-германские «классики материализма» XVII-XVIII веков. Самостоятельная русская философиз существует только в эмиграции. Мучительно сознавать этот факт. Ведь, он показывает, до какого ничтожества доведены оказательства свободной творческой мысли в нашей огромной, великой стране. Но факт этот не только удручает; он и налагает обязанности. Мобилизация русских философских сил — национальный долг русской эмиграции. В данной сфере «категорический императив» этого рода еще настоятельней, чем в какой бы то ни было другой. Зарубежные русские люди, не лишенные культурно-исторических навыков и вкусов, должны непрестанно думать о создании новой русской философской сменя. Должна быть обеспечена непрерывность русской философской традиции. Нечего сомневаться. Философские ценности, созданные в эмиграции, с наименьшей неотвратимостью войдут в русское культурное наследие, чем вошли в него, скажем, «Былое и Думы» Герцена (тоже, ведь, эмигранта). Ничто большее не пропадает в культуре и в ее преемственности. Об этом, по сказанному выше, свидетельствуют и те массовые «воскресения» давно, казалось, забытых культурных ценностей, которые мы наблюдали в 1936-1937 г.г. в советской России. Если о правильности высказанного тезиса еще могли быть споры несколько лет тому назад, в сумятице социальных перестроек, — то теперь она не должна уже возбуждать ни сомнений, ни споров. И потому: все из нас, кто способен творить и мыслить, — на стройку русской философии за рубежом (поскольку сталинский режим не допускает стройки ее «во отечестве»). В эмиграции должен был бы существовать не один, но несколько философских журналов. Борьба направлений — непремная предпосылка расцвета философской мысли. Ей всегда присуща известная «диалектичность», ход через отрицание. Достичь за рубежом полноты и насыщенности философ-

ской мысли важнее многого другого. Нет почетней миссии, чем драться «на философском фронте».

*
**

Мы рассмотрели несколько отраслей духовного творчества. Их число можно было бы значительно увеличить. Мы не станем этого делать. Одно и так ясно: Россия и эмиграция суть сопряженные величины. Эмиграция нужна России и русской культуре, в нынешнем их положении; нужна для того, чтобы дать и поддержать те элементы культурной традиции, которые хиреют и гибнут в самой России, благодаря господствующим в ней насилию и гнету.

Утверждать это — вовсе не значит отрицать значительности русского национального дела, совершаемого в пределах СССР. Но делаемого там отнюдь не достаточно для разрешения всех русских задач. Здесь нужно восполнение — во имя будущего. Его и призвана дать, в нынешний исторический момент, зарубежная Россия.

Из самого существа задания вытекает, что восполнение это может быть дано лишь на основе духовной и всяческой иной независимости от коммунизма. В деле сотрудничества с теми людьми, которые делают положительно-национальное дело в теперешней России, путь «возвращенчества» и ему подобные был бы наилучшим путем. Это — путь самоуничтожения, духовного рабства, которое никак не обогащает, но обедняет русскую культуру. Ничего своего такой «возвращенец» в советской России не скажет. Кому, кому, а уж ему предписано все заранее. Его духовные силы попросту пропадут зря. В качестве символа такой судьбы возьмем судьбу Д. П. Святополк-Мирского, талантливейшего человека, сказавшего в эмиграции немало «новых слов». Став коммунистом и «возвращенцем», а потом и, действительно, вернувшись в Россию, он объявлен там теперь «разоблаченным проходивцем».

Во имя сотрудничества с русскими национальными силами, действующими и развивающимися внутри России, каждый зарубежный русский должен, прежде всего, бороться за свободу духовного творчества и за самостоятельность творческого, никаким «сталинизмом» не покрываемого, в своих предчувствиях пророческого пути.

П. Савицкий.

Через двадцать лет

(ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)

На третий день после октябрьского переворота, в редакции «Речи», на ул. Жуковского, собралось много народа, так или иначе связанного с газетой. Люди, ошеломленные событиями, пробирались туда, где они надеялись что-либо узнать и как-нибудь осмыслить происшедшее. Представлены были, что называется, сливки интеллигенции: профессора, общественные деятели, публицисты. Но Милуков был уже на пути к югу, и без него разговоры приняли характер не столько политики («что делать?»), сколько гаданий: когда это кончится? Большинство оставалось твердо убеждено, что больше двух недель не продлится. Меньшинство пыталось возражать: пожалуй, и до весны. Двое или трое пессимистов (среди них А. С. Изгоев) робко, среди общего негодования, высказывали сомнение: кто знает, может-быть, это затянется и на три года.

Такие юбилейные воспоминания (а у каждого найдутся воспоминания в этом роде) не только отбивают охоту к оптимистическим прогнозам, но и заставляют с осо-